

рые — к народному творчеству. К книжным источникам ведут образы орла и голубицы, агнца, свиньи, пса, вепря, инорога, льва и волка. Образ свиньи, вслед за притчами Соломона, использовал еще Даниил Заточник;⁴¹ образ пса как чего-то нечистого, злобного встречаем и в былине («собака Калин-царь»), и в хронографе (Фока злой царь — «бесный пес»), и в исторической повести древней Руси (в «Задонщине» «поганым псом» назван Мамай); образы орла, голубки, агнца и волков очень часто встречаются в Библии. Но, как правило, под пером писателей начала XVII в. эти традиционные метафоры и сравнения обновляются и приобретают новый, более острый политический смысл.

Сравнение с паутиной мы находим в творениях митрополита Даниила,⁴² яд скорпиона и саранча, несомненно, были известны Тимофееву из Библии, но, как мы видели, он умело использует эти образы в новом смысле, характеризует с их помощью современные ему политические события.

Писатели стремятся обновить образ, заставить по-новому звучать старую, стершуюся метафору. Это достигается чаще всего тем, что образ животного дается в действии, в движении; иногда писатель, используя сравнение, развертывает его в целую картину. Как мы указывали выше, так делает Тимофеев, описывая условия своей работы в Новгороде: он не просто сравнивает себя с волом, а рисует живую картину, дающую возможность читателю представить себе животное. То же мы видим у писателя и тогда, когда он сравнивает Самозванца и его приближенных с псами. Рисуя, как Лжедмитрий I, «недостойный», «недостойно» раздавал «недостойным» царские милости, Тимофеев пишет: «... подобно егда по случаю некако пес восхитит негде не по естеству, но снесь царску, бежит в место тайно тоя снести; прочие же пси, таково узревше восхищенное, у единого отъемлют и наслаждаются вси купно чрезъестественнаго, несвойственнаго, пожирают же растерзательно и небрежно обаче и растрашают много, прерывающе: у другаго ов отъем, ов много и ин же мало, яко ведяще быше не свое всем; бывает бо им за се, им же от прочих в тех обидемым, изгрызатися».⁴³

Динамичны и следующие оригинальные образы, использованные Тимофеевым: Самозванец, свергнув Годунова, «яко дивий козел овна рогама сбод... на главе того, свержением посмиявся, ногами ста»;⁴⁴ Борис Годунов «о похвалех устрелен завистью, яко олень в ребра». Используя редкий образ медведя в берлоге,⁴⁵ Тимофеев строит его по-своему, оригинально: он не называет животное, а лишь намекает на него читателю, прибегая, как и в ряде иных случаев, к перифразу. Он пишет о Борисе: «... идеже превосходный славою, яко в берлозе дивия некако, лестию крыяся»,⁴⁶ но каждому ясно, о каком «дивием» звере идет здесь речь.

Не только Иван Тимофеев, но и другие писатели XVII в. стремятся в своих описаниях к конкретности, к реалистической детали. Об этом свидетельствует, например, следующая красочная картинка, созданная ав-

⁴¹ «Не лепо у свиньи в ноздрех рясы златы, тако на холопе порты дороги» (Моление Даниила Заточника. Изд. Н. Н. Зарубина. Изд. АН СССР, Л., 1932).

⁴² «Что есть течение мира сего? Вся басня, вся паутина, вся дым и трава, и цвет травный, и сень, и сон...» (Творения митр. Даниила. Рукописный отдел ГБЛ, собр. Московской синодальной библиотеки, № 985/237, л. 332).

⁴³ «Временник», стр. 89.

⁴⁴ Там же, стр. 72 (ср. стр. 48).

⁴⁵ Как указывает В. П. Адрианова-Перетц, единственный пример метафорического употребления образа медведя встречается в «Казанском летописце», где герой (Шигапей) «ят бывает (казанцами, — О. Д.) аки медведь мрежами звериными, лестью и словесы лукавыми» (Очерки поэтического стиля древней Руси, стр. 95).

⁴⁶ «Временник», стр. 53.